

Мовчан Геннадий Яковлевич 03. 99

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

Экран и сцена. - 1999. - март (н/з). - с. 14.

Ганиада

Сергей БАРХИН

Они его ласково и заманчиво называли – Ганя. Когда эта троица появлялась во дворе института (нашего незабвенного Московского Архитектурного института) или шествовала по широкому коридору в аудиторию, казалось, что пролетарская революция еще не случилась. Тайное почтение к господам, джентльменам, профессорам и академикам, франкмасонам и англоманам дожило до середины пятидесятых годов. Несмотря на всероссийскую ништу, самонадеянное и самовлюбленное начальничание в архитектуре, как и везде, быстро распространявшихся партитычников, подбивших космополитизм, несмотря на опасность обратить на себя внимание случайного или специального секс-сата или просто готового на все завистника и быть раздавленным Родиной, еще сохранились люди, расположенные играть роли аристократов, членов изысканных клубов, желающие писать диссертации об архитектуре Испании или помпейских жилых домах, знающие Леже и Корбюзье, Джойса и Пруста. В общем сохранились еще люди, способные играть в Театр, быть в вымышленном внутреннем пространстве, игнорируя ужас жизни, делая вид, что опасности нет.

Хотя их были, предупреждали, еще за десять лет до этого такие были справедливо названы космополитами, но почему-то с прибавлением к смыслу этого слова оттенка вины и преступности.

Это мои учителя М.П.Парусников, С.Х.Сатуц и Г.Я.Мовчан. Три высоких, чрезвычайно благородных джентльмена. Костюм в их игре в Театр жизни занимал важное место. Все трое с элегантными тростями, в пышных бабочках и неизвестно где раздобытыми (по-моему, тогда не было импорта, а фарцовка исключалась) тончайшей шерсти благородного цвета костюмах и в ботинках на настоящем каучуке или в изящных штиблетах. Они были в возрасте остеопенившихся мушкетеров в последнем томе продолжений Дюма. Молодые стиляги в эти пятидесятые годы смотрели на них с восхищением.

Казалось, что на них власть партбюро, комитета комсомола и кафедры марксизма не распространялась. Особенно, когда они втроем. Это было не так и даже в самом институте уже свило гнездо новое поколение, практикующее шантаж и запугивание от лица народа и даже КГБ. Среди студентов тоже подрастали обиженные карьеристы и будущие специалисты общества «Память», активно отправляющиеся на Север за иконами XV века.

Но мы верили, если не в победу, то во всяком случае неистребимость богемы, которая с возрастом превращается в джентльменов – в силу своей блестательности, не-подвластных самозваному руководству.

На самом деле и тогда в 1958 году могли раздавать любого. А такие люди были контрапунктом победившему социализму.

Мой любимый учитель Геннадий Яковлевич Мовчан – его называли Ганя и даже Ганечка, с такой любовью рисовал дрожащей линией мячайшего КОН-И-NORa по голубоватой шершавой карандашной кальке, с такой любо-

вью разливал дрожащей рукой полрюмки – на один глоток, ледяной водки, угощал и закусывал где-то раздобытой исландской селедочкой в красном винном соусе, с такой любовью трепетно перелистывал страницы или листы переплетенных в цветные сидцы (теперь уже исчезнувшие) книги Кайядара Cahiers D'Art или маленьких томиков Skirly, с таким восторгом перебирал яички красного дерева с божественной коллекцией бабочек со множеством ничтожно отличающихся друг от друга экземпляров лимонных падалируисов и кадиевых махонов со шпорами и глазками, и совсем уже трепеща всем телом и душой разглядывал вместе со мной огромные синие, черные, бирюзовые и розовые слепящие глаза тропические экзотические бабочки из Бразилии, Индокитая или Тибета, счастливо доставшиеся ему вместо всех вполне возможных сталинских и ленинских премий.

Геннадий Яковлевич носил всегда костюм какого-то чрезвычайно заманчивого серо-голубово-зеленого цвета. Наверное, его можно назвать морской волны, но облагороженным, смягченным нейтральтином.

Даже его плоский чуть с горбинкой красный нос на красном лице напоминал Багратионовский, или Габсбургский, или нос Казановы – людей таинственно заманчивой судьбы.

В войну ли или еще раньше, когда Геннадий Яковлевич был аспирантом академии архитектуры, он обмерял и изучал дагестанские жилые дома и трехметровые бараногообразные деревянные, изрезанные орнаментом капители украшали в моем сегодняшнем воображении его быт. На стене висели антикварные, полученные в наследство от Весниных различные треугольники красного дерева, обложененные по периметру тонкой полосой черного дерева, очевидно, привезенные еще Баженовым из Франции.

Проектировать под его руководством нам всем тогда было одно удовольствие, его поощрение – желанная цель.

Пытаясь написать о нем, я не могу выхватить ни одной ироничной нотки. Есть ли сегодня такие люди? Может быть, социализм совсем уже вытравил что-либо хорошее.

В то же время Геннадий Яковлевич не только играл в театр в жизни, но и работал в ГипроТеатре. Он построил, неувиденный мною, реальный театр в Дагестане, в Махачкале с невиданными в театрах до него с горбатыми столбами.

О проектах других театров и кинотеатров я даже не упоминаю, но об одном, сделанном в институте, скажу.

Придумал он его вместе с ученицей своей Вероникой Зубченко. Театр в виде деки гитары, где в одном овале был зал, а в другом – коробка сцены с кольцом и кругом. И все это скончено от фасада, повышаясь к коробке, так, что мы ощущаем гитару не только в плане, но и снизу, смотря с земли, то есть в фасаде. И мне даже досталось помочь закруглить его под Леже ярко-красным кадмием. Это в 1961 году.

В последнюю нашу встречу я подарил ему свою маленькую книжку-каталог. Да он даже решился посетить мою выставку в 1988 году и к моему огорчению и разочарованию спросил: «Я только одного не понимаю, Сережа, а как это все – то есть мои картинки – получается в натуре. То есть все это – нереально».

Он не сказал мне, что он доволен или восхищен, и поэтому я должен и могу быть поскромнее, потому что в ТЕАТРЕ и театр он понимает побольше, чем я с вами.

1990. Москва

Два года назад, летом девяносто шестого, умерла моя мама. Геннадий Яковлевич по телефону выразил соболезнование, назвав ее лучшим профессором нашего Архитектурного института. А он знает, так как проработал с мамой лет пятьдесят.

Я пошел к нему домой помянуть маму. Мы выпили граммов по двести водки, и наш патриарх шепотом спросил меня, – читал ли я «Лолиту». Потом шепотом и с улыбкой сообщил, что и он тоже «любил» маленьких девочек и даже рассказал историю, как во время туристической поездки по Финляндии он встретил девочку. «А они, расположенные к этому, очень чувствуют интерес к себе» – сообщил мне тайну Геннадий Яковлевич.

Им удалось даже обменяться адресами и переписываться лет пять после этого. Вдруг, – рассказывает он, – раздается телефонный звонок, и ее голос говорит: «Я в Москве!!!»

Когда он увидел ее, это была взрослая крупная женщина. Он сразу потерял интерес к ней. Она плакала, но никто ничего не мог поделать.

Изучая в течение всей жизни архитектуру Дагестана и защитив докторскую диссертацию на эту тему, он в конце концов написал большую книгу со множеством иллюстраций, которую так и не смог издать в течение тридцати или даже пятидесяти лет. Теперь уже не надеясь издать книгу, еще более тихим шепотом, как самую страшную тайну, но с гордостью Г.Я. сообщил мне, что хотел бы посвятить ее Джохару Дудаеву. Это было его желание показать свою симпатию родным горцам Кавказа. Это была его единственная возможность выразить свое иакомысление, несогласие и протест против этой войны и нашей жизни.

Моему учителю архитектуры ГЯМ недавно исполнилось, девяносто семь лет. Это старейший зодчий, возможно, даже житель Москвы и России. Столько здесь не живут.

Сентябрь, 98.

2 ноября 1998 года Геннадия Яковлевича не стало.